



**Илья Леонидович Бражников** – доктор филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета, публицист, автор книг «Мифопоэтика поступка: Ситуация ответа в художественном тексте» и «Русская литература XIX–XX веков: Историсофский текст»

# Византизм: стилизация или фактор идентичности?

## **Византизм как политическая категория**

Понятие «византизм» сегодня все чаще используется в качестве политического аргумента. При этом за последние несколько лет оно заметно мутировало. О византизме в политике говорят то в связи с коррупцией, то в связи с хитроумной, недоступной для постижения простыми смертными «этикой» высшего чиновничества. Византизм часто выступает в современном публицисти-

ческом контексте синонимом двоедушия, азиатчины.

В церковной жизни синонимами и воплощениями византизма в последние годы становятся то двусмысленные («дипломатичные») высказывания и шаги иерархов, а то и просто их дорогие облачения, особо торжественные, богато украшенные службы. В связи с этим доводится слышать о том, что «патриархи испокон веков в представительских случаях были в золоте и при всем пара-

---

**Византизм становится своего рода неофициальной идеологией, неким внутренним, метафизическим измерением церковно-государственной жизни России. Это может вызывать раздражение у либерально настроенной публики или, напротив, вдохновлять консерваторов. Однако как первые, так и вторые верят в существование «византийского подтекста», порождающего самые разные ассоциации – от «тоталитаризма» до «симфонии властей».**



де» и что «это абсолютно нормально для византийского христианства» (Сергей Корнев). Складывается впечатление, что мы уже (или всегда) живем при византизме и «это абсолютно нормально».

Но даже для Константина Леонтьева, русского философа и государственного деятеля, автора концепции византизма, последний был отнюдь не нормой, а скорее идеалом, к которому следовало стремиться Российской империи — стране, несомненно, гораздо более близкой традициям Византии, нежели Российская Федерация, где любое проявление византизма всегда будет находиться в вопиющем противоречии с Конституцией. Ведь византизм предполагает госу-

дарственный религиозный культ и православное вероисповедание как решающий фактор идентичности. Ни того ни другого не может быть в светском демократическом государстве, в качестве которого РФ позиционируется в своей официальной политике. Византизм тем самым становится своего рода неофициальной идеологией, неким внутренним, метафизическим измерением церковно-государственной жизни России. Это может вызывать раздражение у либерально настроенной публики или, напротив, вдохновлять консерваторов. Однако как первые, так и вторые безусловно верят в существование «византийского подтекста», который, как любая

мифологема, имеет весьма расплывчатые очертания и порождает самые разные ассоциации — от «тоталитаризма» до «симфонии властей». Византизм перестает быть метафорой и аналогией и становится реальностью. В этой ситуации возникает необходимость четко определить, что же такое византизм, дабы не оказаться внутри этой метафоры и не кормить ее живой исторической плотью.

Леонтьев дал наиболее строгое и законченное определение византизма: «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов». Из этих двух прин-



Апостол Павел. Начало XIV века

**Византийское обоснование автократии восходит к христианской концепции удерживающего, сформулированной во Втором послании апостола Павла к общине города Салоники. Это апостольское послание, как известно, является одним из ключей ко всей христианской эсхатологии, поскольку вводит ее фундаментальные категории и определения – отступление, антихрист, тайна беззакония и собственно удерживающий.**

ципов (самодержавие – «крепкая, сосредоточенная монархическая государственность» – и «реально-мистическое, строго-церковное и монашеское христианство византийского типа») вытекал и третий прин-

цип русского византизма – национальное своеобразие («красота жизни в самобытных национальных формах»). Только при сочетании этих трех факторов можно говорить о византизме.

Ключевой вопрос при таком – «строгом» – понимании византизма: в какой мере эта традиция может быть актуальна сегодня? К примеру, возможен ли византизм без самодержавия, в условиях демократии и «свободного» рынка? В то же время насколько сильно и влиятельно в настоящее время монашеское христианство? Какую роль в российской политике и культуре играет сейчас православная мистика? Наконец, насколько реально удержание «красоты жизни в самобытных национальных формах» в условиях глобализирующегося мира? В первом приближении на все эти вопросы неизбежен отрицательный ответ. Власть в России несамодержавна, влияние мистически настроенного монашества – не то что на большую политику, а даже на церковную жизнь – ничтожно, демографическая ситуация такова, что под вопросом само существование нации: сначала сохранить бы само коренное население, а потом уже задумываться о красоте его жизни и самобытности! Тем не менее византизм как проект по-прежнему возможен в современной России, в современных условиях. Но для того чтобы очертить контуры этого проекта, необходимо осветить некоторые теоретические проблемы.

**Самодержавие как удержание: историческая морфология понятия «катехон»**

Самодержавие – это, если перевести на современный политологический жаргон, реальный суверенитет. Это власть, не нуждающаяся в дополнительной легитимации в виде плебисцита, выборов, международного признания и т.д. Самодержавие – перевод греческого слова «автократия». Византийское обоснование

автократии восходит к христианской концепции удерживающего, сформулированной во Втором послании апостола Павла к общине города Салоники. Это апостольское послание, как известно, является одним из ключей ко всей христианской эсхатологии, поскольку вводит ее фундаментальные категории и определения — отступление (апостасия), антихрист («человек греха, сын погибели»), тайна беззакония и собственно удерживающий: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели. <...> И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2: 3, 6–7). Византийская традиция практически с самого начала связывала понятие об удерживающем с Римской империей и лично с фигурой императора. Как известно, Иоанн Златоуст в своем толковании на Послание пишет буквально: «Когда прекратится существование Римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо. Потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится; но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он (антихрист) будет стремиться похитить всю — и человеческую, и Божескую — власть». Это и есть византийское обоснование самодержавия: самодержец тот, который удерживает весь мир от анархии и прихода антихриста. В IV веке, помимо Иоанна Златоуста, об удерживающем царстве писали такие авторитетные отцы и учителя, как Евсевий Кесарийский, преподобный Ефрем Сирий и др. У Козьмы Инди-

коплова (VI век) Византийская империя (новый Рим) понимается как «слуга Христова строения», поскольку в ее пределах произошло воплощение Слова и протекала земная жизнь Спасителя. Так считали не только восточные богословы, которых можно заподозрить в ангажированности, но и западные — как, например, Седулий Скот Младший (VIII век).

Однако после Великой схизмы 1054 года единство понимания христианами удерживающего царства утрачивается. Приблизительно с XII века схоластики начинают толковать Римскую империю в духовном смысле, то есть относить пророчество апостола Павла об удерживающем к Римско-католической церкви. Впервые такую трактовку можно встретить у Гуго Сен-Викторского, в окончательных формулировках находим ее у Фомы Аквината, который утверждает, что «удерживающее есть Римское царство, но не само по себе, а как продолжающее существовать в Римской церкви, пережившее из временного в духовное».

### **Царство как утроба Богородицы и русский Царь-Христос**

Византизм не терпит подобных иносказаний. Царство может быть только царством, оно не только духовно, но и вполне конкретно, видимо, буквально. Поэтому после падения Константинополя возникает идея Третьего Рима — Москвы как прямого продолжения Римской империи. Опровергая предсказание католического мистика Николая Латинянина, предсказывавшего новый всемирный потоп и конец света в 1524 году, инок псковского Спасо-Елеазаровского монастыря Филофей и создал концепцию Третьего Рима, дезавуиро-

вав прозелитский католический апокалиптизм православной эсхатологической перспективой, в которой «царство нашего государя» отождествляется с «Ромейским царством», то есть последним христианским царством — неразрушимым, поскольку сам «Господь в римскую власть написася».

Эта мысль, восходящая к Козьме Индикоплову («яко се пръвое написание бысть при Августе кесари, внегда Христос родися и в Римскую землю и царство съизволи написатися»), очень тонка и непривычна для современного «просвещенного» сознания. Для средневекового же человека очевидно, что, если Господь Бог воплотился в пределах Римской державы и был внесен в списки населения во время переписи, о чем сообщает Евангелие от Луки (Лк. 2: 1–3), то эта держава (власть, понимаемая во всех смыслах, — как территория, владение и как правление, господство, мощь) вечна и неразрушима. Ведь Бога нельзя «выписать» из книги, в которую Он уже раз сам «написался», будучи вписан во власть римского кесаря. Бог пребудет теперь в этой власти во веки веков. Возносясь к престолу Отца, он обещает послать Утешителя, Духа истины, который Церковью традиционно трактуется как Дух Святой, что и позволит самой власти стать удерживающей, ведь именно в этой власти отныне будет пребывать Дух Божий. И сама власть, вместившая в себя Бога, становится подобна материнской утробе, выносившей Христа.

Можно предположить, что этот пункт стал одним из первых в дальнейшем расхождении Греческой и Римской церквей, поскольку последней имперские смыслы христианства оставались чуждыми. Здесь же и узел полемики



**Византийская традиция практически с самого начала связывала понятие об удерживающем с Римской империей и лично с фигурой императора. Однако приблизительно с XII века схоластики начинают толковать Римскую империю в духовном смысле, то есть относить пророчество апостола Павла об удерживающем к Римско-католической церкви.**

Филофей с католицизмом. Католики учат, что Христос не принял человеческой плоти, «но з готовую небесною плотию, яко трубою, девичьскою утробою прошед, ниже душа человеческия приат, но вместо душа Духъ святыи в нем пребывает», — отмечал инок Филофей. А из этого богословско-

го тезиса с необходимостью следовало, что «падшаго Адама и всех от него рожденных человекъ плоть не обожися». Итак, если Христос воистину воплотился, то есть принял человеческую плоть от материнской утробы, то плоть приобрела божественность, она преображена. И, вечно пребы-

вая в пределах империи, как в материнской утробе, Христос преображает и плоть государственную. Христос как бы «задержался» во плоти, а не прошел сквозь нее. Католическое же представление о прохождении Христа как бы сквозь плоть, «яко трубою», по меткому сравнению Филофея, без «задержки» порождает далее «ангеличность», «духовность», «небесность», «урализм» — как в общественных институтах, так и в отдельных индивидах. Плоть понимается как временная, стремится стать духовной, индивидуализируется. Не может быть у католиков «недвижимого царства», поскольку Христос в нем не «задержался». Он вышел в небо, «яко трубою», и, как бы ни тянулись к Нему шпили готических храмов, достать Его они не могут: «Где буду Я, туда вы не можете прийти» (Ин. 7: 34). Отсюда эта неизбывная тоска по недо воплощенному небесному, эта скорбь католичества, эта любовь к страстям Христовым, потому что именно в страстях Христос в последний раз предстает для католиков в воплощенном, человеческом образе. «Се, Человек!» (Ин. 19: 5) Такое понимание в конечном итоге приводит к предельно индивидуализированному, психологизированному образу человека в Новое время. Интересно и крайне важно для современного российского политического контекста, что Филофей давал обоснование государственного единства православных и мусульман, которые, покорив Второй Рим, не разрушили Ромейского царства, поскольку в нем «веры не повредиша». Правильная вера, таким образом, по Филофею, и есть «римская власть». Царство простирается повсюду, где вера православна. Это и есть суть византизма, где вера и власть связаны не-



Эбсторфская карта мира. XIII век

разрывно. В таком понимании византизм резко отличается от других религиозно-идеологических систем — прежде всего от католицизма и иудаизма.

### Катехон и концепция правового государства

К сожалению, такое православное понимание царства было утрачено — это стало достаточно очевидно к концу XIX века. Византизм к этому времени превратился в недостижимый идеал. Русская церковь и государственность

**Если Христос воистину воплотился, то есть принял человеческую плоть от материнской утробы, то плоть приобрела божественность, она преображена. И, вечно пребывая в пределах империи, как в материнской утробе, Христос преображает и плоть государственную. Христос как бы «задержался» во плоти, а не прошел сквозь нее.**

осмысливались в научных и духовных школах под сильным влиянием протестантской теологии.

Приведем один достаточно типичный пример. Талантливый историк и богослов рубе-

жа веков, священник Дмитрий Глаголев в своей магистерской диссертации «Второе Великое путешествие святого апостола Павла с проповедью Евангелия» касался пророчества об антихристе в послании Солу-

Папа Римский Бенедикт XVI благословляет паломников, собравшихся на площади Святого Петра в Ватикане. 1 мая 2011



**Борьба за нравственность, за духовно-нравственные ценности, в которой заметную роль играет церковное руководство, – это другой – католический – вариант понимания удержания и удерживающего. Этот тренд призван фиксироваться на первом лице церковной иерархии как представителе канувшей в Лету, ставшей чисто «духовной» Римской империи.**

нянам. Он стоял на позициях своего времени, опираясь на мнения немецких ученых Гофмана, Оберлена и Лютарда. Последний говорил о «нравственном правовом порядке» как наиболее твердом в христианском общественном устройении. «Замечательно, – комментировал благонамеренный священник, – что те эпохи, когда существенно нарушался общественный порядок, определяемый идеей справедливости, Священное Писание рассматривает как прообраз самых последних времен». В трактовке антихриста автор ссылался опять-таки на протестантского богослова Германа Ольсгаузена: хотя любой из носителей римской власти мог быть рассматриваем как антихрист (Нерон,

Калигула), он все равно будет удерживающим «по своему должностному положению». Таким образом, выходило, что под катехоном мог пониматься и «порядок общественной жизни, обусловленный силою законов, обеспечивающих права каждой личности», и высший носитель и выразитель общественного порядка – император или несколько лиц – правительство («лицо, так сказать, собирательное»). Ранее это был римский император, потом будет еще кто-нибудь, поэтому к понятию удерживающего добавлено местоимение, переводимое с греческого как «ныне». Такая сугубо протестантская точка зрения и вела к прямому и полному отождествлению существующего порядка, со всеми

его несправедливостями и недостатками, с христианством, и, следовательно, революционеры, протестовавшие против этого порядка, могли рассматриваться исключительно как сила «антихристианская». Но в то же время в сознании интеллигенции они же могли выглядеть и как святые, поскольку героически и жертвенно боролись за возвращение социальному строю христианского измерения. Нечто подобное происходит и в наши дни. Нынешние консерваторы оправдывают существующий режим власти только за то, что это режим, то есть некий порядок, которому противостоит «антихрист» анархии и беззакония («болото», «белоленточники»). Соответственно олицетворение этого порядка – первое лицо государства и его «команда» – это и есть «катехон». В такой трактовке между политическим режимом РФ и самодержавием нет различий. Для оппозиции же нарушение властью установленных зако-



Егор Зайцев. Молитва на Бородинском поле. 2000–2002

ном процедур и прав личности является признаком ее нелегитимности. Однако если законность будет соблюдена и права личности не станут нарушаться, оппозиция удовлетворится. Ясно, что в основе обоих представлений находится протестантская концепция удерживающего правового государства.

В то же время борьба за нравственность, за духовно-нравственные ценности, в которой заметную роль играет церковное руководство, — это другой — католический — вариант понимания удержания и удерживающего. Этот тренд призван фиксироваться на первом лице церковной иерархии как представителе канувшей в Лету, ставшей чисто «духовной» Римской империи. Заметим, что и в первом, и во втором вариантах Римской империи больше нет, ее реальность не признается, ее заменили полностью концепты «правового государства» и абстрактной «духовности». Поэтому все это строго проти-

воположно настоящему византизму.

Ибо византизм исходит из того, что Римская империя не может исчезнуть, она есть, поскольку в ее подданных числится Сам Господь Иисус Христос. Удержание — не духовно-нравственная прерогатива и тем более не дело правительства и чиновников, это вообще не человеческая работа. Удерживающее есть то, что в данный момент является Христом. Это Царство, непосредственно удерживаемое Богом-Христом, вписанным в него при рождении. Следует при этом иметь в виду, что задолго до Рождества Христова у эллинов слово «катехон» однозначно ассоциировалось с мистериями в честь бога Дио-

**Катехон — богоодержимое царство, которое не может исчезнуть в истории. Это царство, в котором все преображаются и воскресают, поскольку все одержимы Богом. Поэтому понятие катехона может быть распространено как на богоодержимого императора, так и на богоодержимый народ (народ-богоносец, по Достоевскому). Таким образом, самодержавие есть богоодержимость.**

ниса. «Катехестай ек теон» — вид экстаза в оргиях Диониса, всеобщая одержимость богом. Служители Диониса назывались одержимыми. Богоодержимость — «катохэ», отсюда происходит и слово «катехон» — удерживающий, или богоодержимый. Чтобы удерживать, необходимо быть богоодержимым.

Таким образом, катехон — богоодержимое царство, которое не может исчезнуть в истории. Это царство, в котором все преображаются и воскресают, поскольку все одержимы Богом. Поэтому понятие катехона может быть распространено как на богоодержимого императора, так и на богоодержимый народ (народ-богоносец, по Достоев-



**В отсутствие императора функция катехона полностью ложится на плечи богоодержимого народа. И если переходить к предпочтительной для византизма форме правления, то эта форма менее всего должна быть имитационной, это должна быть реальная прямая демократия, конгломерат самоуправляющихся общин. Россия вновь станет удерживающей либо при восстановлении реального самодержавия византийского типа, либо если широкие слои общества станут богоодержимыми.**

скому). Таким образом, самодержавие есть богоодержимость.

### Современное понимание катехона

Каким может быть модернизационный проект русской государственности, чтобы она вновь стала удерживающей сегодня?

В отсутствие императора функция катехона полностью ложится на плечи богоодержимого народа. И если переходить к предпочтительной для византизма форме правления, то эта форма менее всего должна быть имитационной, это должна быть реальная прямая демократия, конгломерат самоуправляющихся общин.

Россия вновь станет удерживающей либо при восстановлении реального самодержавия византийского типа, либо если широкие слои общества станут богоодержимыми и на исторической арене появится «самодержавный народ Христа», по выражению генерала Михаила Дитерихса. Эта мысль была близка многим в начале XX века, в том числе и русскому поэту-футуристу Велимиру Хлебникову, писавшему:

*Свобода приходит нагая,  
Бросая на сердце цветы,  
И мы, с нею в ногу шагая,  
Беседуем с небом на «ты».  
Мы, воины, строго ударим  
Рукой по суровым щитам:*

*Да будет народ государем  
Всегда, навсегда, здесь и там!  
Пусть девы споят у окна,  
Меж песен о древнем походе,  
О верноподданном Солнца —  
Самодержавном народе.*

Что это значит — быть богоодержимым? Может сложиться впечатление, что имеется в виду что-то неопределенно-ужасающее. Отнюдь нет. Бога не следует воображать как бесплотную абстракцию, поскольку Он давно воплотился, то есть вошел в плоть и кровь человека русской земли, слился с природным ландшафтом русской равнины. Он отправляет русского человека покорять космос, раскрывает ему тайны Вселенной. Но главным признаком богоодержимости является любовь. Любовь к ближним и дальним, ко всему живому на земле, к человеческой истории, которая должна быть продолжена. Верным признаком богоодержимости правителя служит его любовь к собственному народу, которая



отнодью не предполагает либерализма: любовь может быть и строгой, воспитывающей, и наказывающей.

Верным признаком богоодержимости общества станет преодоление той людоедской системы отношений, которая сложилась на сегодняшний день между человеком и человеком, а также между людьми и корпорациями, людьми и чиновниками. Эти отношения порождены попыткой реализации на русско-византийской почве протестантской идеи правового государства. Пора бы уже признать, что правовые механизмы (вероятно, эффективные в западных странах) отнодью не сдерживают русских людей и ведут к нигилизму и беспределу, равно как и пропаганда «духовно-нравственных ценностей» вовсе не содействует облагораживанию нравов и укреплению авторитета Церкви. Леонтьев писал: «Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, во-

**Верным признаком богоодержимости общества станет преодоление той людоедской системы отношений, которая сложилась на сегодняшний день между человеком и человеком, а также между людьми и корпорациями, людьми и чиновниками. Эти отношения порождены попыткой реализации на русско-византийской почве протестантской идеи правового государства.**

обще сурово, иногда и до свирепости; Церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее — одно уравновесить другое». Таким образом, крепкое государство, строго аскетичное, независимое духовенство и сплоченное четкими историческими задачами и личной добротой общество — таково русско-византийское понимание человека, тела, мира, земли, космоса, истории в противоположность не-византийскому христианству и дру-

гим общественно-политическим моделям.

Современный псевдовизантизм, воспроизводящий лишь некое подобие имперского стиля, не опирающийся на антилатинство и отличное от протестантской идеи правового государства понимание царства и народа в катехонической перспективе, на альтерглобализм, симулятивен и противопозказан российской государственности и русскому обществу. Византизм не может сводиться к соблюдению строгости церковного и государственного ритуала. Если византийский миф не наследуется в своей полноте, то воспроизведение византийского стиля в государственной и церковной жизни будет вызывать у русского народа естественное отторжение. 